

Южно-русский город в начале текущего столетия (из "дневных записок" А. С. Пишчевича о Елисаветграде)

На страницах «Киевской Старины» находили себе место некоторые материалы из семейного архива сербских выходцев Пишчевичей; помещены были и сведения о содержимом этого архива, равно и биографические данные об одном из представителей рода, Александре Семеновиче, ревностно, хотя и не всегда искусно и даже не вполне грамотно писавшем многочисленных «записки», «примечания» и пр., в первые годы текущего столетия, наполняя этим досуг, томительный для отставного офицера, жившаго в глуши нынешнего александрийского уезда, в имение своем, с. Скалевом. Круг наблюдений нашего автора был не широк: не подготовленный серьезным образованием к жизни, учившийся кое-чему и как нибудь, он подбирал для своих дневников чаще всего толки о карточном проигрыше к клубе, о скандале на маскараде, не брезгал иногда сплетней о семейных делах и дрызгах, но более всего занимался житьем-бытьем офицеров, квартировавших в елисаветградском районе, отчасти потому, конечно, что и сам был того же поля ягодой, а с другой стороны и от того, что офицеры в тогдашнее время действительно давали тон и окраску обществу провинциального города. Живя в деревни, Пишчевич иногда ездил в окрестные города, Кременчуг, Елисаветград, Александрию, Херсон и Николаев, видимо имел там много знакомых, от которых обильной рукой собирал новости, и потом, по свежей памяти, заносил их в «дневные записки».

Последним он иногда пытался придать оригинальную форму сборника корреспонденции из разных мест, конечно, сам трудясь над составлением подобного рода писем к собственной особе, на подобие того, как делал это один Диккенсов герой. Выбираем для образца данные о гор. Елисаветграде из таких записок за 1816 год. Елисаветград привлекал внимание Пишчевича вообще предпочтительнее перед другими городами известного ему района; автор наш чаще бывал в нем, так как в нем в это время квартировал штаб конно-егерского корпуса, был уже клуб и наконец и в промышленном отношении Елисаветград успел уже выдвинуться вперед. Из сведений Пишчевича о Елисаветграде мы получаем одностороннюю, конечно, но не лишенную бытового интереса картинку, в особенности по отношению к характеристике тогдашних сынов Марса. Любопытно сравнить ее с тем, что теперь представляет этот город. Передаем повествование нашего автора без изменений, за исключением немногих мест, трудно понятных, вследствие стилистических несовершенств записок, или неприличных в печати.

16 февраля. Карточная игра в клубе здешнем продолжается, при которой выходят разные неприятности.

22 февраля. Князь Гагарин, известный арзамасского полку забулдыга, продолжает пить и буянить.

18 февраля. Вчера две достопамятности явились глазам замечателя в здешнем клубе. Первая: граф Пален проиграл 48,000 р. в один вечер, из которых 20,000 досталось на пай князя Гагарина, а остальные разделились на разные части штаб и обер офицерам... Другая достопамятность: полкового командира тираспольского полку полковника Даниловича жена, говорят, будто в каком-то разе здешний клуб посетила недовольно нарядна и при вопросе ее о том, она отвечала, что для здешнего общества и сего довольно. Сим здешние дамы обиделись и оттого начались бабьи шопоты, сплетни и пр. Сим-бы оно и кончилось, но теперешние воины любят в бабьи кляузы вмешиваться; выискался заступник обиды дам елисаветградских и обещал полковницу проучить...

Под 22 февраля записано известие о маскараде, бывшем в клубе, на маслянице, следующего содержания. Некто полковник Ретц устроил для маскарада из обручей и бумаги катер без дна, поместил в нем четырех дам, в том числи свою жену и жену городничаго Стратимировича, и столько-же кавалеров, наряженных гребцами, которые несли это судно в согнутом положении; предполагалось войти таким образом в клубный зал, и оставив катер, протапцовать кадрили. На беду знаменитый буян князь Гагарина не долюбивал Ретца и, как только катер последнего показался в зале, окружил его толпой своих единомышленников, которые сдавили его коленями. Дамы переполошились, дверцы в катере им отворить не удавалось, а борты катера были высоки; нечего было делать... Тут-же в толпе стояли директора клуба и не принимали никакого участия в чинимом гг. офицерами безобразии. Другая маска, продолжает Пишчевич, была движущаяся ветряная мельница, которую три сокрытые

внизу офицера действовали. Сию мельницу никто не трогал, а напротив молодежь окружив любовалась кружению оной, которое столь близко изображало кружение их мозга.

25 апреля. Так называемая здешняя георгиевская ярмарка 23 сего месяца бывает весьма значительна по большому пригону рогатого скота и лошадей. На сей раз жида из Польши купили значительное число сих последних и располагали оных гнать, как вдруг настигло великое число офицеров ремонтеров, опоздавших к началу ярмарки, и, видя себя без лошадей, ибо табуны уже были угнаны, они изобрели средство себя оными запасти, захватив отъемом у жидов купленных ими лошадей и бросив им за оныя деньги. Некоторые из жидов было вздумали попротивиться в сем грабеже, но одни, испытав плети, другие— фухтели, принужденными нашлись молчать. Против такового военного деспотизма полиция ни слова не говорит, равно и корпусный начальник молчит.

9 мая. Воровство здесь непомерное и все нашими постояльцами производится. Судья Булацель, идучи ввечеру и еще не совсем поздно, был окружен двумя егерями, которые хотели завладеть его шинелью, но на крик его сбежались люди, и воры удалились. Вообще ночью никто не смеет ходить по улицам. Жители жалуются их начальникам, ибо полиция наша не смеет слова сказать им в нашу заступу: корпусный начальник есть все, против него—никто; но их удовлетворяют тем, чтобы они поймали вора и обличили, что действительно это происходит от егерей; но кто успеет поймать сих провор! Однакож одному мещанину случилось обличить вора, и вот как. Мещанин покоился ночью с своею семьею, как вдруг слышит некий шорох около себя, пробуждается, видит при слабом свете луны, что одна из шиб его окна вынута с улицы и оттуда рука в военном мундире шарит по лавке и стене, ощупывая, нельзя ли что попасть. Мещанин схватывает толстый отрубок дерева, поражает сию руку, от чего на улице слышит крик, и все сим оканчивается. В следующее утро узнают в городе, что одному егерю отбита кисть руки: это был вор, попавшийся под отрубок. Мещанин идет к гр. Палену (корпусному командиру) и объясняет дело. Приводят егеря безрукаго. Граф удостоверяется в показании мещанина, и вот решение: «ежели (сказал граф мещанину) егерь не выздоровеет, то я тебе ручаюсь, что ты и твои сыновья будут в солдатах!» С сим обиженный оставил его сиятельство и, как таковое определение было в присутствии егеря, то сей рассказал своим сотоварищам, сколь милостив корпусный командир, и что все шарящая руки в домах изъяты впредь от увечья.

10 мая. Князь Гагарин упился с подобными ему и, втащив пушку в комнаты, стрелял из окна на улицу. Окна от потрясения выпали во всем доме, а князь Гагарин с гостями в самом безобразном виде, выставляя себя в оныя, заставляли парод удивляться и смеяться.

23 мая. На сих днях вот что в здешнем городе случилось. Мещанин Карасев, не молодых уже лет, с молодою и видимою, но честною своею женою были в гостях, и поопозднившись довольно, в вечеру возвращались домой мимо гауптвахты, у которой будучи остановлены, введены в оную и посажены — муж и жена в разные места—за то, что шли после зари. Сначала караульный офицер, явсь к Карасевой жене, ее насильничал, а потом тоже учинили и все караульные солдаты. Не говоря уже о том, что сии бдители общего покоя на сей раз явили себя совершенными преступниками, но скажем, что когда на другой день обиженный Карасев явился к графу Палену принести жалобу, то сей потребовал видеть его жену, которая когда ему предстала и он, увидев ее молодость и пригожество, издаваясь на счет старости ея мужа, сказал ей:.....¹

10 июля. Квартира графа Палена против церкви старообрядческой. Его сиятельству показался частый звон колоколов безпокойным и потому он запретил долго оный производить, а особливо рано поутру...

5 сентября. Полиция в здешнем городе ничего не значит в разсуждении чинимых военными беспорядков. По положению армейскаго генерал-штаба, корпусные начальники имеют право наблюдать за беспорядками по части гражданской. Но в том-же положении ничего не сказано, что делать, ежели гражданская часть увидит в корпусном начальнике сумасбродство; повидимому полагалось, что таковой начальник должен быть муж избранный, муж достойных качеств. Граф Пален, не будучи таковым, но права данна остаются при нем и потому он деспотически управляется в Елисаветграде; он взял на себя распределение в городе квартир и произвольно ставит в дом штаб-офицера или кого другаго, словом: «я так хочу». И от сего определительнаго слова вышло, что у некоторых граждан есть по три дома и все три заняты постоем; все офицеры имеют—одни квартиры по эскадронно, а другия в городе для приезда, где занимаясь городскою жизнью, мало помышляют о своей должности. Другой случай, который-бы принадлежал к надзору полиции, то, каким образом

живущие в городе офицеры довольствуют своих лошадей: приторгуют на базаре сено или овес и отвезя на квартиру, отщитывают мужику, вместо договоренной цены, что хотят, и с сим выталкивают за ворота. На толикие беспорядки могут только доносить жандармские офицеры армейскому полицеймейстеру генералу Эртелю, но сии офицеры подчинены корпусному начальнику, а у графа Палена фухтеля не за горами. Сверх здесь изъясненных жителями обид, видим другия странности в корпусной квартире, которая старым служивым кажутся дикими: офицеры по улицам прохаживаются в мундирах, но без сабель, как будто арестованы (в прежнюю службу офицер в мундире не смел казаться без сабли, а в квартире корпуснаго начальника и подумать никто не мог), с дымящимися трубками во рту (это запрещается полицейским уставом), а глядя на своих господ, их слуги, между которыми много поляков, немцев, французов, также по рынку расхаживают, кура трубки.

23 сентября. Губернатора граф Сен-При объезжает теперь вверенную ему губернию и на сих днях приехал и сюда, где, обозревая присутственные места, нашел крайне недействительным нижний земский суд и потому всех членов онаго отрешил, приказав явиться им в Херсон для изследования их деятельности. После сего сей справедливый губернатор принялся было за другия части, но следующее помешало довершить добром начатое дело. Жители села Злынки, в котором квартирует дерптскаго конно-егерскаго полку эскадрон², долго терпели все угнетения, которые постигли вообще места, занимаемая сим войском и просили о своих обидах земский суд, просили полковаго начальника, просили корпуснаго начальника графа Палена, но негде заступы не обрели и потому решились принести жалобу своему губернатору. Для сего отправили волостнаго голову, писаря и несколько почетных стариков к его сиятельству в Елисаветград. Сие посольство, прибыв в город, остановилось на квартире у жида и на составлять просьбу. Хозяин, подслушав, в чем дело состояло, и желая поддобриться графу Палену, уведомил его обо всем. Сей отправляет офицера с командою забрать весь этот совет и посадить на гауптвахту; не замедлил явиться и сам граф Пален и не постыдился их бить по щекам, по зубам и в поволочку пинками, а между тем послал просить графа Сен-При к себе на обед, и сие в том намерении, чтобы он не узнал о происходящем. Губернатор, отобедавши, еще долго у него сидел, а когда они разстались, то граф Пален приказал пред себя привести голову с сотоварищами и уже тут бил их всех фухтелями нещадно. После сего, связав и вложив их на телеги, отправил с жандармами обратно в Злынку, куда едва голову привезли, то он и умер. Говорят, по штату о жандармах, простой из оных рядовой, видя генерала в беспорядке, может его арестовать. Ежели столь странное узаконение существует, то в сем раз видится совсем противное, ибо жандармы имели причину, как бешенствующаго, не токмо арестовать своего корпуснаго начальника, но и связать еще; но они обиженных сопровождали, как преступников. Сен-При, когда сей поступок до него дошел, тем более был разогорчен, что оный произошел почти в его присутствии, — тотчас отправил курьера в Одессу с донесением о происшедшем графу Ланжерону и при том сказал: «я не останусь губернатором ни двух дней, ежели сие происшествие не будет доведено до сведения императора». По отправлении сего курьера, Сен-При поехал в местечко Каменку к г-же Давыдовой; а возвратившись оттуда в Елисаветград, посетил его генерал барон Пален, двоюродный брат графа Палена, который старался его примирить с своим братом, но граф Сен-При гордо отвечал: «как граф Сен-При, я никакого дела с графом Паленом не имею, но как губернатор я хочу, чтобы сие известие дошло до сведения государя». Когда барон Пален объявил сии слова своему брату, то граф Пален отвечал: «я увижу, что этот француз — парикмахер мне сделает!» Сии слова тот-же час лазутчики вложили в уши графу Сен-При. После сего он отправился в Одессу, дабы настоять у графа Ланжерона в сем представлении. Время покажет, чем все сие кончится. Но ежели-бы Сен-При не столь горячо за сие дело вступился, то елисаветградское купечество начало было шевелиться, вступаясь за обиженных поселян тем с большим жаром, что как большая часть купечества, так жители Злынки суть староверы.

1 октября. Следуя скоропостижности, с какою донесено было графу Сен-При о смерти злынскаго головы и по той скоропостижности, с каковою с сим донесением отправлен был в Одессу курьер, а вслед за оным и сам губернатор отправился (не удивляйтесь, нами управляют французы, народ опрометчивый), и я попал в обман, писавши вам 23 сентября о смерти злынскаго головы. Граф Пален со всею свойственною немцам флегмою и аккуратностью выбил голову безчеловечно; но, благодаря Богу и крепкому сложению русскаго человека, голова не умер. Теперь любопытно знать, чем все сие кончится. Молва повсюду разнеслась о убиении Паленом головы, граф Пален, и дерзок, и пьян, за это хочет мстить; граф Сен-При, следуя правилам чести, связаться должен с пьяницей и может иметь при всей своей трезвости серьезное дело. А ежели граф Ланжерон, скоропостижно основываясь на

донесении губернатора, да уже сделал государю свое представление, то согласитесь, что дело трех графов будет замечательно в своем роде. Надобно ожидать сему развязки от времени.

15 октября. Граф Пален вызывает графа Сен-При через письмо на дуэль и для сей битвы назначено первое число будущего ноября. Пален предоставляет своему сопернику избрать место к побоищу, а чтобы сие письмо не могло затеряться, или может быть и ради того, чтобы Сен-При не мог сказать, что он его не получал, то отправлено в Херсон страховым. Повидимому, худо теперь быть таким губернатором, который берет сторону ему вверенного народа, ибо того мало, что Сен-При вызывают на дуэль за исполнение его обязанности, но и капитан Дроздовский объявил графу Палену, что он берется выбить Сен-При, прибавя, что он уже раз из офицеров был разжалован в рядовые и потому еще раз пострадать для своего начальника ничего не значит.

18 октября. Граф Ланжерон поручил губернскому предводителю Корбе исследовать в Злынке как обиды, жителям причиненныя квартирующими в оном конными егерями, так и освидетельствовать спину и прочия части избитаго головы. Г. Корбе, который повсюду видит предстоящая ему знаки отличия, вменил сию порученность себе в должность, отправился в Злынку, где нашел поступок военных с поселянами слишком жестоким, а голову избитаго хотя и живым, но совершенно распухшим и едва дышавшим. Г. Корбе описал все им найденное в Злынке графу Ланжерону в партикулярном письме самым безобразным образом и, неведомо к чему, присовокупил ко всему этому известныя слова великаго Суворова: «береги хозяина, он вас поит, кормить, солдат не разбойник». Граф Ланжерон чем-бы удержать сие письмо у себя, оное отправил к Палену в оригинале. Теперь граф Пален собирается бить Корбе, чтоб его отучить от подражания Суворову. Сей великий полководец, писавши сии слова в наставление своим воинам, никогда не мыслил, чтобы они могли заставить изведать фухтеля дворянскаго предводителя.

20 ноября из Херсона. Сен-При на вызов графа Палена дуелировать отвечал, что он его вызова не приемлет до тех пор, пока пробудет губернатором, а оставя сию должность, он его волю удовлетворит. Пален, прочитав сие, сказал: «француз увертывается от меня, но я его где нибудь попаду». Таковы теперь генералы: из уст их выходят слова, приличные одним кабачным забиякам.

14 декабря. Графа Палена проказам несть конца. Он поймал было в городе избитаго им злынскаго голову и хотел его добить, но голова, стоя на коленях и валяясь у сиятельных ног, едва себе вымолил отпущение. Теперь жиды испытывают тяжесть графскаго самовластия. Их быют, за что попало. Например: жид графскому слуге сшил сапоги и когда сей не все деньги отдал, жид не давал сапогов; отправлены солдаты и взяв жида в караульню, выбили его порядочно, сапоги отняли и денег не заплатили. Много-бы надобно говорить, ежели-бы описывать таковое; мелочные по существу побои, со стороны глядя, ни тому, кто их изведывает, плотно к спине прилегают. Посреди толиких беспорядков некоторыя части преобразуются в лучшее: клуб теперь получил своим директором генерал - майора Репнинскаго, который, говорят, в дисциплине клубной шутить не любит и крепко смотрит, чтобы дерзость офицерская никого не оскорбляла и даже запретил танцующим быть в шпорах. Это много... Таковой порядок, хотя и с ног начался, привлек опять всех в клуб, от онаго было отставших во время прошлой зимы, в совершенно революционное правление очередных директоров, каков, например, князь Гагарин и ему подобные. Правда и то, что главные забияки почти все разъехались по домовым отпускам. Его сиятельство гр. Пален, сколько кажется, клубом занимается только потому, чтобы питать в оном карточную игру. Эскадронных начальников, он обыгривает, а полковой командир, по его мнению, никуда не годится, ежели в карты не играет, а особливо—ежели ему не проигрывает. Но кажется, что конно-егерских полков все полковники ему сию дань ежегодно платят исправно, и те, которые не умеют играть, дают определенную сумму денег какому нибудь игроку своего полку и тот проигрывает его сиятельству будто не нарочно. В теперешней службе, по пословице, рука руку моет: ежели полковники и набивают карман корпуснаго начальника, за то положено законом, что корпусный начальник может набавить 10 коп. на всякий пуд сена сверх справочной цены, и сии 10 коп. должны посредством карт перейти в карман его высокопревосходительства...

20 декабря. Теперь графу Сен-При нечего бояться капитана Дроздовскаго, обещавшаго его бить, потому что на сих днях сему Дроздовскому отрубил кисть правой руки его друг истинный, поляк же, с которым поссорившись в трактире, вышли на дуэль. Такова дружба нынешних офицеров. На сих же днях здесь случилась драка между жандармским офицером и сербином, недавно приехавшим из

Цесарки для вступления в русскую службу. Жандарм голиафовского роста, а сербин мал; первый дал ему нисколько тумачов, сербин сначала оборвал эполет, эксельбант и лацканы жандарму, но видя немочу преодолеть своего соперника, придумал его обезоружить, ударив ногою в непоказанное место. Жандарм, взявшись за пораженное место, отошел прочь и теперь лежит в постели.

2 февраля 1817 г. («Ведомости с Днепровских (sic) берегов»). Полк тираспольский конно-егерский выступил от нас вчера по утру. Сие выступление было замечательно тем, что в предшествовавшую оному ночь многие дома были обокражены, у других окна и печи были выбиты. Многие из воров пойманы и обличены и потому полку не дана квитанция. В тот промежуток, когда о сей квитанции происходил спор между полковыми и жителями, вышло другое: пойман мальчик фореитор, ушедший от одного помещика и показавши, что он подговорен полковником Даниловичем, а после открылось, что у его-же скрывается торбанист и несколько девок дворовых—все украденные, и отправлены в деревню его, состоящую в Курляндии, а наконец и многие другие открылись дворовые люди спрятанные. Итак, чтобы сия обличенная кража не могла дойти далее, то г. полковник дал подписку елисаветградскому городничему в том, что он ручается за себя и вверенного ему полку штаб и обер-офицеров, что все люди, принадлежащее разным помещикам и ими отправленные вперед, будут возвращены к своим местам.

К приведенному выше добавим еще заметку Пишчевича из «Записок» 1813 г., касающуюся колдовства.

Мая 11. Оставил я Скалевую пополудни и к вечеру прибыл в Александрию, Здесь я застал новаго рода (?) разбирательство: г. Данилович (городничий) посадил под стражу трех старух за то, что они приговляли какия-то травы для колдовства, законами запрещенные. При допросе они показали, что две из них колдовству учились, а одна из них идет в сем звании по наследству от своей прабабки. Молва народная полагает, что теперешнему бездождию причиною сии ведьмы, что они продали дождь в Польшу на 7 лет. Добрый человек Данилович прибавляет к сему верному открытию еще и следующее: что утренней звезды не видать, что сии ведьмы ее куда-то запрятали, что они, ссорясь между собою, одна другую в том упрекали, ибо и дождевую звезду нашли у одной из сих чародейниц закупоренную в горшке, который когда открыли, чтобы звезду выпустить, то нашли оную превращенную волшебною силою в гриб. Г. Данилович есть предобрейший, честных правил человек, был в службе всегда храбрым офицером, но небесную систему толкует по своему.

Южно-русский город в начале текущего столетия
(из "дневных записок" А. С. Пишчевича о Елисаветграде)
// Киевская старина. - 1886. - № 1 . - С. 173-183

---

1 Опускаем подлинныя выражения, ради непристойности их.

2 В Злынке квартирует с дерптским эскадроном капитан Дроздовский, любимец графа Палена, и дерптский полк есть его фаворитный полк, потому он был в оном шефом, а сего уже и предовольно для несправедливаго начальства, чтобы отстаивать дело обидное и к общему вреду клонящееся. Прим. автора.